

Наука как церемониальный обмен: теория пространств внимания, академического статуса и символической борьбы*

Михаил Соколов

Кандидат социологических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1а, Санкт-Петербург, Российской Федерации 191187
E-mail: msokolov@eu.spb.ru

В статье предлагается теория среднего уровня, претендующая на то, чтобы представить новый взгляд на процессы образования академических пространств внимания, распределение академического статуса и природу символической борьбы. В настящее время взаимосвязи между этими переменными обычно описываются в квазирыночных терминах (ученые получают от других факты, нужные для производства новых фактов, оплачивая свои приобретения публичным признанием; признание инвестируется получателем в операции, привлекающие новое признание). В качестве альтернативы я предлагаю словарь, уподобляющий науку светским обществам, в которых индивиды определяют относительный статус друг друга, нанося визиты. Статус определяется тем, в обмене визитами с кем индивид состоит; основной формой борьбы является бойкот групп оппонентов. Визиты, таким образом, одновременно определяют собственный статус индивида и статус других людей, создавая тонкий баланс между агрессивностью и кооперацией, потребностью в самопророждении и завистливостью. Аналогом визитов в случае науки является публично признанное внимание к работе коллег. Ученым свойственно образовывать клики — сцены — которые требуют обязательного взаимного признания внутри и участвуют в вытеснении информации о том, что происходит за их пределами. Сцены могут быть более или менее легитимными с точки зрения существующих культурных классификаций проблем или областей. Дисциплины и субдисциплины являются примерами легитимных сцен. Рассматриваются условия возникновения нелегитимных сцен, типичных для социальных наук на периферии академической мир-системы.

Ключевые слова: социология науки, этикет, пространства внимания, академическое признание, символическая борьба, академическая коммуникация, Роберт Мerton

* Идеи, изложенные в этой статье, кристаллизовались на протяжении многих лет и благодаря беседам со многими людьми. Среди тех, кого я должен благодарить за их появление, но кто не несет за них никакой ответственности, нельзя не упомянуть Виктора Вахштайна, Катерину Губу, Эмануэля Кульчицкого, Дмитрия Куракина и Кристиана Флека. Тексты, из которого вырос данный, обсуждались на семинаре факультета социологии университета Граца (в феврале 2019 г.), семинаре «Наука на (полу)периферии» в университете Познани (июнь 2021 г., дистанционно) и на конференции Американской социологической ассоциации в августе 2021 г. Исследование, позволившее завершить работу над статьей, выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00519 (<https://rsccf.ru/project/21-18-00519/>).

Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

Один из распространенных взглядов на эпистемологию социальных наук предполагает, что в основе любой теории лежит базовая метафора — поэтический образ, отвечающий на вопрос «на что в конечном счете похоже явление X» (Burke, 1935; Brown 1977; Вахштайн, Константиновский, Куракин, 2012). Историю социологического изучения науки можно представить как чередование таких метафор. Мертоновская концепция науки опиралась на ее понимание как системы институтов, в конечном счете подобных институтам рыночной экономики. Позднее к ней добавились понимания науки как повседневной практики, политической риторики и войны коалиций человеческих и нечеловеческих агентов. Цель этой статьи — предложить новую метафору. Наука в ней будет пониматься как форма взаимодействия, ближайшей аналогией которой является церемониальный обмен визитами или иными жестами внимания в обществах праздного класса, в котором положение светских людей определялось тем, кого они посещали и кто посещал их (Элиас, 2002 (1969); Zorbaugh, 1929)¹. Термин «церемониальный обмен» используется в антропологии, чтобы описать формы взаимодействия, которые стилизованы под «обычный» обмен, но основной целью которых является не приобретение прав собственности на какие-то объекты, а поддержание идентичностей и отношений между его участниками (Strathern, Stewart, 2005). Предметом подобной ритуализации могут стать, и даже неизбежно становятся, любые жесты, которые могут раскрыть что-то о тех, кем они произведены, или об их отношениях к окружающим (Goffman, 1955; Goffman, 1981). Такими жестами в случае с учеными будет публичная демонстрация того, что некое высказывание коллег привлекло их внимание. Исходно эта демонстрация может являться выражением искренней заинтересованности. Однако само то, что она может пониматься в качестве подобного выражения, неизбежно изменяет ее характер и превращает ее в стратегическое действие, направляемое соображениями утверждения своего статуса как полноправного участника коммуникации («члена сообщества» или «агента в поле») и распределением статусов других индивидов. Зашедшая достаточно далеко ритуализация начинает полностью определять логику распределения внимания, превращая его в активность, обслуживающую потребности публичной демонстрации.

Корневые метафоры отвечают в том числе на вопрос о том, что в объекте, к которому они применяются, заслуживает изучения, и — во всяком случае, частично — определяют границы этого объекта. Одна метафора может быть лучше другой лишь применительно к специальному типу исследовательских вопросов, конкретной области ее применения². Область применения метафоры, предложенной здесь, в наибольшей степени пересекается с метафорой рынка, но в сравнении

1. Слово «внимание» во многих европейских языках происходит от того же латинского корня, что и «посещение» — *attendere* (Klamer, van Dahlen, 2002: 295).

2. Так, перенос акцентов с институтов, обеспечивающих производство научного знания, на это знание как таковое в рамках Второй волны социальных исследований науки был оплачен невозможностью ответить что-то осмысленное на вопросы вроде того, как на поведение ученых влияют разные конфигурации академических институтов и в какой мере институциональная инженерия может спо-

с ней обладает, как мы попробуем показать, рядом преимуществ. Она позволяет описать на своем языке те явления, к которым применялась рыночная метафора — и еще некоторое количество в дополнение к ним, которые с точки зрения последней являются необъяснимыми аномалиями. Наша метафора во многом объясняет взаимоотношения между теми же переменными — но представляет их связи несколько иным и более изящным и компактным образом, так что даже слова, которые обозначают эти переменные, бывшие чужеродными вкраплениями в квазиэкономическом словаре — как «признание» (*recognition*) — здесь станут естественным продолжением ассоциативного ряда, подразумеваемого другими используемыми терминами. Эта метафора предлагает также, как мы попробуем показать, более глубокое объяснение некоторых хорошо знакомых сюжетов, таких как «эффект Матфея»³.

Цена построения такой обобщающей модели оказывается скорее моральной, чем концептуальной. Она предполагает принятие некоторых предпосылок, которые представляют ученых (преимущественно социальных ученых) в еще менее апологетическом свете, чем предполагают некоторые теории, попадающие в разряд «критической социологии науки». Следующий раздел мы начнем с обсуждения экономической метафоры в изучении науки, а затем, перечислив некоторые возникающие в связи с ней проблемы, перейдем к представлению нашей собственной.

Наука как рынок идей

Метафора «рынка идей» является самым универсальным способом описывать академическую жизнь. Она широко представлена как в исследованиях по социологии науки (Hagstrom, 1965; Merton, 1968; Bourdieu, 1983; Lamont, 1987; Latour, Woolgar, 1979), так и в разговорах ученых, которые не хотели бы иметь с социологией ничего общего⁴. Его интуитивная убедительность основана на легкости, с которой мы обнаруживаем вокруг себя:

А) спрос на теории, методы, факты или технологии;

Б) производство, требующее аккумуляции разных ресурсов (в частности, информации, человеческого и финансового капитала в разных их формах), которое ориентировано на удовлетворение этого спроса;

существовать или сдерживать научный рост. На вопрос о том, надо ли использовать индексы цитирования, STS может предложить лишь весьма уклончивый ответ, что Web of Science — тоже актант.

3. То, что организация научной жизни руководствуется нормами, подобными этикетным, отмечалось многократно, хотя кажется, что соответствующие ассоциации никогда не были развиты достаточно, чтобы стали видны их подлинные возможности. Наиболее систематическим обращением к этикету можно назвать (Kaplan, 1965; Klamer, 2007).

4. Коуз, вводя термин «рынки идей» (Coase, 1974), ссылается на памфлет Мильтона 1644 года, который, правда, посвятил свое сочинение доказательству того, что «идеи» не являются товаром в обычном смысле слова. Сам факт, что опровержение этого взгляда потребовало памфлета, доказывает, что этот взгляд не казался современникам поэта заведомо абсурдным. Традиционно авторство взгляда на идеи как на товар, производство и потребление которого осуществляется по законам рынка, приписывается софистам.

В) проблемы, связанные со встречей спроса и предложения — координацию действий производителей и потребителей, рекламу и продвижение своего товара;

Г) вознаграждение успешных производителей, выигрывающих в «репутации», «признании», «кредите» или «символическом капитале», и стратификацию академических сообществ, основанную на объеме подобных вознаграждений;

Д) реинвестиции вознаграждения в осуществление и продвижение новой работы, направленное на дальнейшее накопление, которое неизбежно делает богатых и успешных еще богаче и успешнее. Именно последнее сходство с капиталистической экономикой казалось многим наблюдателям особенно впечатляющим аргументом в пользу внутреннего родства науки и рыночной экономики. Признание в науке постоянно инвестируется для приобретения еще большего признания, создавая непреодолимый разрыв между элитами и массами (Bourdieu, 1975; Latour, Woolgar, 1979; Franck, 2002).

Как и полагается хорошей метафоре, рынок не только предоставляет словарь для описания академической жизни, но и предлагает континтуитивные аналогии, которые приводят к открытиям. Примером может служить описание Мертомон «эффекта Матфея», в теоретическом плане являющееся развитием идеи Парсонса о генерализованных средствах обмена, прототипом которых выступают деньги (Parsons, 1963). Другим — и более важным с точки зрения данной статьи — было описание конститутивной роли норм, обеспечивающих защиту интеллектуальной собственности (Merton, 1957, 1988).

Права интеллектуальной собственности, организующие конвертацию научных достижений в статус, являются центральным институтом современной науки по Мертону, поскольку именно они обеспечивают следование нормам научного ethos. Вопреки тому, в чем его упрекали радикалы из лагеря социологии научного знания, Мертон вполне отдавал себе отчет в том, что ученые не стоят в плане нравственного развития выше большинства людей, и не приписывал им никаких сверхчеловеческих моральных качеств. Вопрос, который его интересовал, можно скорее сформулировать так — в каких условиях обычные люди будут следовать требованиям весьма радикального ethos? Что, например, заставляет их делиться с трудом добытым знанием — притом что людям вообще-то несвойственно делиться плодами своих трудов с незнакомцами? Ответом было развитие великой парсонианской темы: для того, чтобы социальная система обладала стабильностью, необходимо, чтобы индивидуальная мотивация (неизбежно эгоцентричная) соответствовала институциональным нормам, освященным культурными идеалами. Функционирующие научные институты представляют собой стратификационную систему, в которой движение вверх, к почету и уверенности в завтрашнем дне удел тех, кто играет по определенным правилам.

В основе этих правил находится специфическое понимание интеллектуальной собственности. На первый взгляд ученые как будто готовы делиться своим знанием направо и налево, не прося ничего взамен. В действительности, однако,

подобный «коммунизм» (Merton, 1942)⁵ возможен лишь в условиях, когда бесплатная передача информации происходит при условии, что получатель будет пользоваться ей лишь с упоминанием оригинального производителя — того, кто опубликовал открытие первым. Правило, требующее признания неотчуждаемого права оригинального производителя, однако, создает новый мотив, несвойственный ученым в предыдущие столетия, — необходимость утверждать и защищать свой приоритет. Действительно, говорит Мертон, рождение современной экспериментальной науки совпало по времени с двумя явлениями, незнакомыми предыдущим эпохам, — преследованию интеллектуального пиратства и спорам о приоритете⁶. Ученые непрерывно соревнуются за то, чтобы опубликовать открытие раньше других; вероятность того, что индивида опередят в условиях, когда победитель получает все, создает непрерывную гонку. Чтобы гонка состоялась, однако, необходимо, чтобы сообщество создавало условия, позволяющие зафиксировать первенство. Развитие важнейших институтов науки — таких как научные журналы — исторически было связано с желанием создать инструмент фиксации приоритета и одновременно оповещения каждого об уже взятых остальными высо- тах. Поведение ученых в этом смысле приобретает сходство с «экономикой дара». Уорен Хагстром, один из учеников Мертона (Hagstrom, 1965), сравнил его с пот- лачем, описанным антропологами среди индейцев Северо-Запада, — церемонией дарения, которая одновременно является средством агрессивного утверждения статуса дарителя. Ученые рады поделиться информацией бесплатно, но горе тому, кто отказался ее принять или, еще хуже, принял, но не признал своей задолженности перед производителем.

Критики мертоновской социологии науки из лагеря *sociology of scientific knowledge* приняли отождествление науки с рынком куда менее сурово, чем другие со-ставляющие мертоновского наследия. Бруно Латур и Стив Вулгар в главе о циклах научного кредита (Latour, Woolgar, 1979: 191–202) очевидным образом опирались на те же ассоциации, что и Мертон⁷.

5. Использовав это слово в 1942 году, Мертон, вероятно, основательно эпатировал соотечественников-американцев.

6. Эти предположения подтверждаются позднейшими историческими исследованиями, пока-завшими, что в XVII столетии понимание интеллектуальной собственности пережило революцию (Biagioli, Galison, 2014).

7. Другая корневая метафора в социологии науки — метафора войны слов (Cozzens, 1989). Описа-ние интеллектуального мира как борьбы, а не рынка идей, имеет не менее древнюю историю, которую Рэндалл Коллинз возводит к Гераклиту (Collins, 1998). В данном нарративе теории и их производители оказываются армиями, сражающимися за интеллектуальные территории. Развитие этой метафоры, впрочем, также упирается в серьезные ограничения, превосходящие те, с которыми сталкивается описание науки как рынка: прежде всего не совсем понятно, что в ней является аналогом «террито-рии». То, как выглядят области контроля групп или дисциплин, во многом является исходом борьбы за определение реальности. Мы не можем сказать, что экономика контролирует экономические про-блемы, поскольку во многом наше понимание чего-либо как «экономической проблемы» есть резуль-тат существования экономики (Abbott, 2001). Кроме того, методы ведения этой войны редко пред-ставляют собой что-то, непосредственно напоминающее ведение боевых действий, в которых теории

И тем не менее при описании академической жизни с помощью рыночной метафоры, при всей ее интуитивной привлекательности, возникает несколько тревожных теоретических нестыковок, которые становятся тем проблематичнее, чем больше систематичности пытаешься этому описанию придать (Gilbert, 1977). Информация не является обычными товарами хотя бы в том смысле, что ее не становится меньше у продавца после того, как она приобретена покупателем. Кроме того, применимость метафоры к итеративным, а не кумулятивным дисциплинам сталкивается с тем, что не совсем ясно, что все-таки один ученый получает от другого. Если в биохимии мы можем сказать, что один ученый передает другому «факт», то неясно, что получает от своих коллег философ. Уже Мертон проницательно признавал, что внимание, инвестируемое в поиск информации, не становится автоматическим вознаграждением, которое получает производитель, как было бы, если бы оно само по себе было валютой (отождествление, производимое в моделях экономики внимания, — Franck, 2002). Нам требуются отдельные институты, чтобы гарантировать, что те, кто получит внимание, получит и признание. Однако — и, возможно, это самое главное — в его схеме нет никакого встроенного механизма, который объяснял бы, почему ученые следят за тем, чтобы поставщик информации получил причитающееся вознаграждение после того, как сама эта информация попала к получателю. Этую проблему, являющуюся частным случаем проблемы метанорм (Axelrod, 1986), как будто частично решили критики Мертона из конструктивистского лагеря, утверждавшие, что цитирования — которые Мертон и его ученики рассматривали как жесты благодарности по отношению к тем, кто обогатил науку новыми фактами — сродни актам взятия заложников. Цитируя, ученый превращает предшественников в своих невольных сторонников (Cozzens, 1989; Luukkonen, 1997). В этом смысле утверждение интеллектуальной собственности превращается в self-enforcing institution (Greif, Laitin, 2004). Фактически задачей научного сообщества оказывается не помешать ученому присвоить факты, присвоенные другими, а не дать ему или ей записать в свои сторонники кого-то, кто таковым на самом деле не является (Nikolaesen, 2004). Однако ни исходное мертоновское решение, ни конструктивистская альтернатива ему не объясняют другой кажущейся аномалии: почему ученые могут вовсе игнорировать работы тех, кто работает, казалось бы, в их области, не используя их работы ни как источник идей, ни как источник заложников? Между тем распространенная жалоба, в особенности в социальных науках (Sorokin, 1956; Gans, 1992; Zerubavel, 2006), состоит в том, что группы ученых — поколения, политические лагеря, дисциплины — функционируют как «заговоры молчания» (*conspiracies of silence*), игнорирующие потенциально релевантные работы своих коллег. Тем самым такие группы нарушают одну из основных норм академического мира, согласно которой ученым полагается знать все, что относится к области их специализации, посколь-

(или их сторонники) прямо сокрушают друг друга. Скорее потенциальные стороны в этом конфликте склонны друг друга просто игнорировать.

ку только это страхует их от повтора ошибок предшественников или от «изобретения велосипеда» (Gans, 1992; Scheff, 1995; Zerubavel, 2006).

Ниже мы пробуем предложить теоретическую модель, основанную на понимании науки как обмена, но не товарами, а жестами признания, и которая — как мы постараемся показать — объясняет, как могут случаться именно такие вещи.

Общие соображения

Предложенная здесь теоретическая модель состоит из пяти основных элементов, представленных на рисунке 1, — алгоритмов поиска (того, как люди ищут литературу), пространства внимания (того, что в результате применения алгоритма оказалось в их поле зрения), жестов публичного признания того, что попало в их поле зрения, сохранения интеллектуального лица (управления впечатлениями окружающих о том, какие алгоритмы поиска использовал индивид) как условия членства в дисциплине и распределения статуса других игроков. Сами по себе эти элементы (за частичным исключением интеллектуального лица) не являются новыми. Новыми — насколько может судить автор — оказываются взаимосвязи между ними. В данной модели алгоритм поиска определяется отчасти соображениями поддержания лица (люди ищут ту информацию, которая необходима, чтобы заставить других поверить, что они искали ее правильно), отчасти — соображениями определения статуса, причем одни могут входить в противоречие с другими. Кроме того, в ней проводится различие между вниманием — как удержанием какого-то объекта в поле зрения — и признанием (как демонстрации своей осведомленности об объекте более-менее конвенциональным образом, скажем, с помощью цитирования).

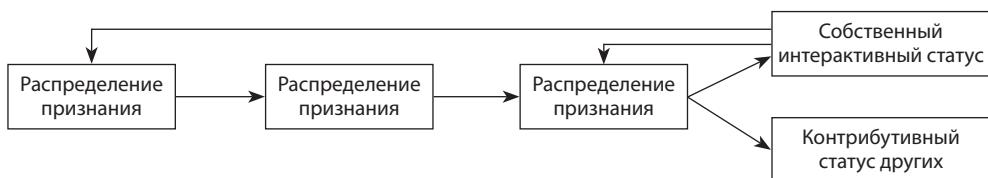

Рис. 1. Основные элементы теоретической модели

Отправной точкой для всех этих рассуждений является предположение о том, что сообщения, относящиеся к сфере научной коммуникации, должны содержать новую для собеседника информацию. В том, что касается научной коммуникации, это требование кажется базовым и фундаментальным. Смысл академической жизни состоит в открытии нового; вряд ли мы можем найти более универсальное требование к научному сообщению, нежели то, что оно содержит информацию,

отсутствовавшую у аудитории прежде (Соколов, 2015)⁸. Когда я в роли ученого говорю: «Вещи обстоят так-то и так-то», одновременно я заявляю: «Я думаю, что вы этого не знаете». Мы можем различить два вида новизны — локальную и глобальную. Первая подразумевает, что данная информация является новой для собеседника, хотя в принципе кому-то уже известна, во втором — что она является новой для любого человеческого собеседника; иными словами, я заявляю: «Я думаю, что вообще никто этого не знает». Эталонное научное сообщение содержит глобальную новизну; хотя существуют вполне легитимные академические жанры, предполагающие новизну локальную (например, обзоры литературы на других языках или из соседних дисциплин, открытие забытых предшественников или учебные пособия), они имеют заведомо более низкий статус⁹.

Делая научное высказывание, я заявлю, разумеется, и много иных вещей: скажем, что я считаю, что сообщенная мной информация должным образом проверена, или, по крайней мере, представляет собой имеющую право на существование в свете уже известного гипотезу. Основания, на которых ученые требуют от других веры в свои слова и соглашаются верить сами, изучались в социальных исследованиях науки многократно под самыми разными углами (Shapin, 1995; Gross, 2000). Здесь мы не будем уделять им внимание, вместо этого обратившись к другой и как будто более тривиальной основе научного высказывания — тому, что, делая какое-то заявление, я сигнализирую, какие факты, фигуры и соображения, по моему мнению, находятся в поле зрения моей аудитории, а какие — нет. Это высказывание конструирует виртуальный кругозор, который я предлагаю ей примерить на себя¹⁰. Аудитория может принять или отвергнуть результат этой примерки — обычно в случае, если в поле ее зрения находится что-то, чего я не пред-

8. Мы можем сказать, что любое сообщение содержит новизну двух видов — во-первых, содержащуюся в нем, во-вторых — проистекающую из факта его произнесения. Сам акт произнесения некого сообщения добавляет к информации, содержащейся в нем, информацию, вытекающую из того, что данный индивид согласился произнести его в определенных обстоятельствах, обращаясь к определенному собеседнику (как когда Мария-Антуанетта говорит: «Сегодня в Версале много людей», и тем самым прекращают войну между придворными партиями). Во многих социальных ситуациях эта новизна является достаточным поводом для произнесения сообщения. Восклицая: «Христос воскрес!», я не сообщаю собеседнику новой информации о Христе, но заявляю о том, что принадлежу к сообществу верующих и считаю его принадлежащим к нему же. В академической коммуникации, однако, эта рефлексивная составляющая не является достаточной, хотя и существует множество ситуаций вроде пленарных докладов, в которых главная информация проистекает из того, что важные представители дисциплины сочли уместным сказать некоторые вещи в торжественной обстановке.

9. В качестве институционального признания этого факта можно вспомнить, что в рамках британской Research Excellence Framework никакие учебники официально не рассматриваются как «исследовательские продукты».

10. Старая истина гласит, что всякий поведенческий акт является одновременно утверждением о состоянии мира (Habermas, 1984: 8–9), поскольку делает ставку на то, что вещи устроены определенным образом. Когда я принимаю деньги в обмен на мои услуги, я демонстрирую веру в экономику; требуя оплату натурой, я показываю отсутствие таковой. В этой статье исследуется допущение, что все сказанное верно и для такого специфического акта, как произведение высказывания о состоянии мира, причем прежде всего ставка делается на определенное информационное состояние участников взаимодействия.

полагал (например, есть работы, в которых написано практически то же самое, что я пытаюсь представить как свое открытие)¹¹.

Обнаружить на поздних фазах подготовки статьи работы неизвестных предшественников будет для меня тревожно. То, что я высказываюсь, как если бы моих предшественников не существовало, можно трактовать как желание присвоить чужие идеи. И даже если это подозрение на меня не падет, я все равно буду виноват в том, что продемонстрировал некомпетентность, проделав заведомо бессмысличенную работу без всяких шансов установить приоритет, получив новый результат. Часть жизни окажется истрачена зря. Кумулятивность научного предприятия в целом поставлена под сомнение (Соколов, 2015; Соколов, 2019). В целом обвинение в том, что научное высказывание лишено новизны, может считаться самой уничтожающей формой научной критики.

Разумеется, обнаружить неизвестных предшественников еще не смертный приговор для статьи. Получив соответствующий отзыв от рецензентов, автор может доказать, что его информация более достоверна, чем доступная ранее, или сослаться на то, что таким образом вносит свой вклад в преодоление кризиса невоспроизводимости (и в этом смысле результат того же эксперимента, поставленного в другой лаборатории, — это не совсем тот же самый результат, что и в первый раз), или что известные факты помещаются в его статье в новые теоретические рамки, или что действие теории верифицируется на российском контексте, который — надо показать во введении — есть основания считать, отличен. Практически, однако, все эти маневры почти неизбежно снижают ценность работы по сравнению с той, которой она обладала бы, если бы они не потребовались¹².

В этом тексте развивается предположение о том, что *алгоритм поиска*, используемый мной, представляет собой стремление застраховать себя от подобных рисков и избежать сожалений о том, что я вовремя не получил нужную информацию. Настройка алгоритмов поиска, позволяющего быть уверенным, что говорящий в курсе всех релевантных интеллектуальных событий в своей области, является основным пунктом профессиональной социализации.

11. На самом деле, валидность аргументов и демонстрация осведомленности переплетены друг с другом — если аудитория приводит аргумент, на который мне нечего ответить, это обычно значит, что я не слежу за соответствующей литературой, поскольку такие аргументы редко звучат впервые, появляясь как бы из ниоткуда. Следить за литературой подразумевает способность предусматривать контраргументы еще в момент планирования исследования.

12. Тут критик — роль которого в случае этой статьи сыграла Катерина Губа — может вспомнить о Поланьи с его утверждением, что, чтобы быть принятым, аргумент не должен быть слишком оригинальным и не похожим ни на что, что аудитория слышала прежде. Именно поэтому, возможно, социологи, чтобы доказать легитимность своей работы, испытывают почти рефлекторное стремление показать, что вопросы, на которые они пытаются ответить, занимали еще ум Вебера (Hargens, 2000). Можно было бы написать специальную работу и показать, как вписывание в дискуссию преуменьшает новизну, на которую, как мог бы подумать иначе читатель, претендует автор. Однако если теоретически избыток оригинальности и может быть так же вреден, как и недостаток, кажется, что для большинства из нас опасность пострадать от первого пренебрежимо мала.

Здесь появляется второй главный тезис. То, что мы знаем о человеческой природе, самые благородные побуждения которой не самые сильные, дает возможность предполагать, что основным способом определения важности будет *прагматическое принятие* учеными критерия релевантности, согласно которому релевантным является то, что считают таковыми другие члены их аудитории, способные применить санкции за незнание. Ученые в общем случае менее заинтересованы узнавать что-то, в незнании чего их не уличат. Прагматическое принятие может нести в себе одновременно как элементы простого конформизма, так и осознанного делегирования суждения: применяющий подобный алгоритм поиска индивид будет ссылаться на то, что опирается на коллективное мнение о важности и релевантности, не слишком стремясь узнать, в чем состоят дефекты всего, что попало в зону легитимного невнимания. Так или иначе, глобальная новизна трансформируется здесь в локальную для данной конкретной аудитории, применяющей определенные алгоритмы поиска и разделяющей общее пространство внимания.

Алгоритмы поиска и пространства внимания

Знать, что знают и чего не знают другие, — нетривиальное достижение, в особенности в свете множественности доступных каналов получения информации. Ученые могут узнавать о работе других из переписки, в кулуарах конференций и телефонных разговорах, на тематических семинарах, из учебников, силлабусов ведущих университетов, вывешенных в интернете, образовательного госстандарта, из отзывов анонимных рецензентов, на защитах диссертаций и задавая прямые вопросы в социальных сетях. Помимо профильных изданий или каталогов библиотек информацию о том, что читать, можно получить из осмотра полок магазинов, рейтингов самых читаемых книг и статей, списков премий Американской социологической ассоциации и, разумеется, цитирований в других книгах и статьях. В последние годы к этому списку прибавились специализированные социальные сети (*Academia.edu* и *Researchgate*), RSS-оповещения и рекомендации *Google Scholar*. Это многообразие возможностей может быть сведено к трем, отчасти пересекающимся, решениям — *поиску по ключевым словам, обращению к институциональным фокальным точкам и персональным рекомендациям*.

Поиск по ключевым словам

В целом легкость в идентификации работ, посвященных тому или иному предмету, кажется во многом производной от стандартности описывающих его ключевых слов. В самом первом приближении стандартностью обладают три вида словарей — имена собственные, или топонимы (человек, желающий написать биографию Данте, может быть уверен, что, скорее всего, найдет все предыдущие биографии Данте, приложив самые незначительные усилия), технические языки (названия химических соединений) и термины обыденного языка, описывающие

сравнительно специфические явления (самоубийство). Там, где предмет исследования определим с помощью одного из этих трех словарей, мы можем быть уверены, что поиск не представляет большой проблемы и может быть осуществлен посредством библиографических категорий или «Гугла». Однако там, где такого словаря не существует, разработка алгоритма поиска, гарантирующего, что все релевантные работы попадут в поле зрения индивида, представляет собой значительную проблему¹³.

Теоретизирование в социальных науках, за частичным исключением экономики, кажется особенно проблематичным случаем, при котором идентифицируемость наталкивается на неопределенность словарей и никто не уверен, может ли он считаться первопроходцем в некоторой области¹⁴. К этому надо добавить, что, даже если используются одни и те же слова, порой остаются сомнения, что эти слова передают одни и те же идеи. В этом смысле кажется, что основным измерением, дифференцирующим академические специальности, является наличие или отсутствие подобных проблем с установлением идентичности идей. По причинам, обсуждение которых полностью выходит за пределы компетенций автора, математические формулы или компьютерные алгоритмы обладают высокой идентифицируемостью, но научный текст, не опирающийся на них, может быть прочитан неопределенным множеством способов, создавая хроническую тревожность по поводу того, что кто-то может вычитать у Бурдье все то, что авторы хотели бы считать своим открытием.

Институциональные фокальные точки

Научная коммуникация по своей природе имеет неопределенный круг участников, нынешних и будущих. Ни один отправитель сообщения в ней не знает всех возможных получателей, а получатели — всех возможных отправителей. Традиционным решением этой проблемы считается создание *фокальных точек* — пунктов, в отношении которых ищущие знают, что отправители знают, что они будут искать это сообщение там, и, соответственно, именно там его и оставят. Фокальность то-

13. Сама эта статья может служить хорошим примером того, о чем в ней говорится. Для кругов взаимного восхваления, которые описываются в ней далее, использовалось множество терминов, известных автору (от «академических банд» (Scheff, 1995) до ставших популярным в последние месяцы echo-chambers), и можно опасаться, еще большее число неизвестных. Желание самого автора дать описываемым явлениям красивое название — *сцена* (см. далее) — очевидным образом усугубляет проблему.

14. Там, где описывающие термины берутся из естественного языка (и, в меньшей степени, в случае с топонимами), существует иная проблема — необходимость прочерчивать границу между «научными» и «ненаучными» источниками. Социологам свойственно развивать в себе нечто вроде рефлексорного отвращения к журналистским расследованиям и иным «несерьезным» источникам, которые старшими представителями цеха отвергаются почти автоматически. Новичок (или внешний наблюдатель) может иногда задаваться вопросом, есть ли в этих работах что-то, что заслуживает такого обращения, однако студенты-социологи быстро усваивают, что подобные вопросы лучше не задавать вслух.

чек обладает рядом свойств, которые отмечал еще Томас Шеллинг (Schelling, 1960; Lewis, 2008 [1969]; Sugden, 1995). Так, она является социальным фактом, обладающим принудительной силой: поскольку в отсутствие контакта никто не может повлиять на ожидание других в отношении собственного поведения и все знают об этом, все вынуждены соответствовать этим ожиданиям. Нет возможности избежать встречи в определенном месте, даже если выбор конкретной точки в качестве фокальной грубо дискриминирует кого-то из участников коммуникации¹⁵.

Традиционной фокальной точкой в науке являются конгрессы и дисциплинарные журналы, которые постепенно эволюционировали из писем редактору. Статус любой фокальной точки, и в том числе журнала, однако, ставится под угрозу несколькими обстоятельствами. Во-первых, любая существующая фокальная точка имеет определенную пропускную способность в силу технических ограничений и пределов того, что может прочитать один занятой человек. Ее расширение свыше данного предела требует или разделения на несколько точек, или введения поиска по ключевым словам (что возвращает нас к предыдущему пункту). Так, журналы довольно сильно ограничены по объему и неизбежно делятся вначале на дисциплинарные, а затем — субдисциплинарные. Это создает проблемы с определением предметных областей, которые в социальных науках никогда не разграничивались слишком отчетливо¹⁶. Иные фокальные точки — например, конгрессы или электронные архивы препринтов — не имеют жестких ограничений по объему и предмету, но, когда они перерастают за определенные пределы, их использование становится возможно лишь с помощью построенных по ключевым словам каталогов.

Во-вторых, исторически складывающиеся фокальные точки — во всяком случае, в социальных науках — привязаны к естественным языкам, они возникали в рамках проектов строительства национальных наук (хотя деление по национальному признаку для большинства естественных наук не вполне легитимно, оно оказалось устойчивым). В результате был запущен процесс фрагментации, которого теоретически должны помогать избежать фокальные точки.

В-третьих, в большинстве своих институциональных форм фокальные точки требуют обслуживающего персонала, решающего, кого к ним допускать. Этот персонал, таким образом, получает контроль над пространством внимания дисциплины. Использование подобной формы власти — названной автором в другом

15. Это легко применить, например, к роли английского языка в научной коммуникации — поскольку все знают, что все знают, что английский является языком мировой науки, все знают, что опубликованные не на нем результаты будут скорее всего проигнорированы зарубежными коллегами. Соответственно, никто не предполагает, что кто-то из обладающих нормальными амбициями ученых вообще будет публиковать что-то значимое на ином языке — что дополнительно оправдывает невнимание к таким публикациям.

16. В исторически эволюционировавших журнальных системах статус журнала произведен от широты тематического охвата — ранние и высокостатусные издания самые общие. Из-за этого журналы часто стремятся воспроизводить модель доминирующего издания (Губа, 2018), добровольно отказываясь от преимуществ узкой тематической ниши и тем самым затрудняя поиск.

месте локативной (от способности помещать сообщения там, где другие их смогут найти) — не всегда всех удовлетворяет, и фактически стирает границу между фокальной точкой и третьей формой инструментов поиска — *персональными рекомендациями*. Ситуации, в которых часть потенциальных авторов и аудитории восстает против критерииев, на основании которых решается, какого рода знание должно стать общим достоянием, побуждает раскольников создавать собственные каналы распространения информации. В целом в силу этой и иных проблем лишь в немногих дисциплинах сегодня существуют эффективные фокальные точки, следуя за которыми каждый может понять, что читают все. При этом по поводу наличия или отсутствия фокальной точки между представителями разных академических субкультур консенсуса может не существовать. В этих условиях каждый шаг похож на продвижение по минному полю, поскольку нет никакой гарантии, что кто-то, озабочившийся прочитать написанное тобою, не читал уже чего-то сходного¹⁷.

Персональные рекомендации

Под третье решение проблемы неопределенности — персональные рекомендации — подпадает наиболее разнообразный набор источников, варьирующихся от отправки автореферата по почте до перепоста анонса вышедшей статьи в твиттере и, самое важное, цитирований в статьях. Главное здесь — получение индивидом информации о выборах конкретных других, которые, однако, служат ориентиром для широкой аудитории. В отличие от каталога библиотеки, здесь присутствует кто-то, берущий на себя ответственность рекомендовать, и, соответственно, на самого индивида ложится выбор того, кому доверять как рекомендателю (Соколов, 2020)¹⁸.

В целом только индивиды, использующие один и тот же алгоритм поиска, относительно безопасны друг для друга; напротив, пользователи другого алгоритма всегда представляют собой угрозу — никогда нельзя быть уверенным, что локальная новость окажется для них новостью. Центральные факторы в эволюции алгоритмов поиска, видимо, были технологическими (см. рис. 1). Гугл привел к ренессансу поиска по ключевым словам, а социальные сети многократно увеличили эффективность персональных рекомендаций, что имело своим следствием неко-

17. Вступая на подобную территорию, никто также не может быть уверен, что его заметят, кроме тех, чей прежде достигнутый высокий статус делает их своего рода одушевленными фокальными точками.

18. Как перспективное здесь надо упомянуть изучение специализированных академических социальных сетей, таких как Academia.edu и Researchgate. Сети с их «следованиями» (followings) и рекомендациями интересны, с одной стороны, как попытки технически операционализировать процессы распределения дисциплинарного внимания, с другой — как самостоятельный источник распределения статуса, способный в теории оказать на прежнюю систему его циркуляции эффект, похожий на эффект индексов цитирования. Если до того относительное влияние индивидов могло быть оценено в основном на основании импрессионистских ощущений, то теперь возникли жесткие метрики и материальные следы распределения внимания.

торый упадок значения институциональных фокальных точек. В условиях, когда цифровой разрыв в компетенциях является прежде всего возрастным, границы между группами, использующими общий алгоритм поиска, оказываются одновременно границами между поколениями¹⁹.

Интеллектуальное лицо и статус

В алгоритм поиска заложен принцип сортировки сообщений на важные и не важные, более или менее достойные внимания. Распределение внимания выдает обобщенные ожидания в отношении важности информации, исходящей из определенного источника. В этом смысле оно сообщает как что-то об источнике, так и о том, кто оценивает его — акт классификации одновременно классифицирует и классифицируемый объект, и классификатора.

Мы можем сказать, что распределение внимания характеризует способность отличать важное от не важного, достоверное от недостоверного. В этом смысле оно является элементом — возможно, основным — интеллектуального лица или *идентичности*. Распределение внимания есть процесс работы интеллектуального лица. Здесь необходимо ввести еще один элемент нашей модели — различие распределения внимания и признания (*recognition*), которому соответствуют публично считываемые сигналы, свидетельствующие, что внимание некоторому объекту удалено. Это различие необходимо, если мы хотим отразить в своих рассуждениях возможность того, что индивиды могут не признаваться публично в том, что они знают, или, наоборот, утверждать, что они знают что-то, о чем они в лучшем случае имеют отдаленное представление. Санкции налагаются за ошибки в процессе публичного признания, а не поиска как такового, который в нашей модели определяется потребностями в признании, поставляя материал для демонстрации *должной осведомленности*.

В этом смысле развивающаяся здесь модель принципиально отличается от мерлоновской или хагстромовской, в которой люди вначале ищут релевантную информацию, а затем признают ее получение, чтобы воздать должное ее автору. Она также отлична от наукометрических теорий цитирования, в которых люди вначале читают литературу, а потом решают, что из прочитанного процитировать (Vinkler, 1998; Wang, Soergel, 1998; Wang, White, 1999). Мы предполагаем, что ученые обращают внимание на что-то, чтобы не быть пойманными на предосудительном невежестве. Иными словами, они вначале определяют для себя, знакомство с чем должно быть признано, а затем узнают что-то об объекте, чтобы не попасться на имитации обладания информацией, которой в действительности не обладают (на риске, задействованном в акте цитирования; см.: Nikolaesen, 2004). В нашей схеме

19. В России одной из сторон эти границы воспринимаются как статусные, позволяющие тем, кто владеет более новыми и современными инструментами (скажем, отслеживает литературу по персонализированным рекомендациям Google Scholar), смотреть на тех, кто пользуется старыми (например, изучает литературу, привезенную коллегами с российских конференций), сверху вниз.

существует обратная связь, которая ведет от интеллектуального лица к алгоритмам поиска и публичному признанию.

Этот подход избавляет от нескольких сложностей, которые традиционно возникают при попытках концептуализировать академическую коммуникацию как обмен информации на признание. Прежде всего он не опирается на предпосылку о том, что поиск информации мотивируется стремлением получить что-то, что будет в каком-либо функциональном смысле полезно для развития аргументов. Логика подобного поиска может действовать и в случаях тех итеративных наук, в которых никакой подлинной кумуляции не существует, нет особой необходимости знать предшественников, чтобы прийти к тем же выводам, что и они, а есть сильное подозрение, что человек с улицы может сделать все те же открытия, что и классики социологии. Признавая, что необходимость знать предшественников не обязательно проистекает из желания «забраться на их плечи гигантов», мы тем самым избегаем затруднений при определении того, что индивиды получают в обмен на признание.

Этот ход избавляет нас также от неопределенности по поводу того, как нечто может передаваться и при этом оставаться в пользовании исходного владельца. По своей природе поиск информации может быть схож с попыткой установить, кто владеет правами собственности на определенную территорию, а не с эксплуатацией богатств этой территории. Хотя эта информация сама по себе не приносит дохода, пренебрежение ею может дорого обойтись. Далее, модель открыто противопоставляет получение информации и публичное признание обладания ею, тем самым избавляя нас от сложностей с отождествлением распределения внимания как интрапсихического процесса и распределением признания как социального процесса.

И, наконец, этот ход позволяет нам ответить на следующий вопрос: что заставляет ученых изобличать других? Действительно, рассуждая по аналогии с лицом в работах по этикету (Goffman, 1955), окружающие могут вежливо промолчать, когда при них допустили какой-то промах. В этом случае применение санкций остается на их усмотрение, и они могут тактично воздержаться от них в расчете на ответную тактичность. Введение понятия «право собственности на открытия» требует ответа на вопрос о том, что мотивирует следование метанорме — требующей следить за соблюдением окружающими норм первого порядка.

Почему гоффмановская тактичность встречается далеко не всегда, и часто учёные обнаруживают, что другие вовсе не готовы вежливо промолчать, если при них повторяют уже высказанные кем-то другим мысли? Одним ответом может быть базовая агрессивность вида *homo academicus*²⁰. Более универсальное обоснование, однако, может состоять в том, что тот, чьи работы проигнорировали, а также ин-

20. К общей склонности трактовать анонимного академического Другого как врага обычно примешивается элемент дедовщины — мы хотели бы заставить других пострадать над чтением Лумана так, как в свое время пришлось пострадать нам. Кажется, этот фактор играет большую роль в воспроизведстве социологического канона.

дивиды, прежде признавшие эти работы существующими, обычно готовы взяться за приведение санкций в исполнение, поскольку у них есть непосредственная заинтересованность в этом.

Здесь вступает в дело следующий элемент нашей схемы. Процесс распределения внимания есть одновременно процесс распределения статусов²¹. Статусы распределяются двумя способами — во-первых, обращая внимание на кого-то, индивид помечает этот источник как «важный» или «релевантный». Во-вторых, он тем самым подтверждает компетенции всех тех, кто до того пометил его как «важный» или «релевантный», и ставит под сомнение квалификацию тех, кто его проигнорировал. Распределение внимания и всевозможных иных признаков ожидаемой важности есть одновременно распределение позиций в иерархии. Из этого следует, что индивиды могут как по отдельности, так и группами произвольного размера манипулировать своими выборами, чтобы максимизировать собственный статус и статус тех, с кем они связаны. И даже там, где их выбор вовсе не обусловлен подобными политическими соображениями, их всегда подозревают в том, что они руководствуются ими. Манипуляции в данном случае могут означать как позитивный обмен выражениями интереса, так и негативный отказ в интересе тем, от кого нельзя ожидать ответного интереса или кого по иным причинам данный индивид или группа считает своими соперниками. Индивид обоснованно предполагает, что свидетельства его интереса (например, оставленные в виде ссылок) служат инструментами поиска для кого-то еще, поскольку они показывают, что тот видел и посчитал важным (или подумал, что другие так посчитывают). Отказывая сопернику в указании на его работы, каждый из нас может надеяться, что добьется, чтобы кто-то еще не обратил внимания на них²².

Подходя к проблеме немного иначе, мы можем говорить о формировании пространств внимания как о результате реализации взаимосвязанных процессов рас-

21. Эмпирически можно найти сколько угодно примеров того, как внимание ассоциируется со статусом, от чисто лингвистических (синонимичность понятий вроде «известный» или «знаменитый» и «значимый» или «выдающийся» (Bourdieu, 1988) до природы знаков почтения, которые в основном представляют собой демонстрацию того, что индивида считают способным написать или произнести текст, представляющий собой интерес для большого числа слушателей (как когда кого-то приглашают сделать пленарный доклад на научной конференции).

22. Здесь предполагается, что внимание по своей природе позитивно; разумеется, оно может быть привлечено и к неудачной работе соперника, особенно если сопровождается соответствующим комментарием. Политизированные сегменты социальных сетей полны того, что получило остроумное название *outrage porn* — сладострастно перебираемых свидетельств морального распада оппонентов. Однако в случае с академической коммуникацией кажется, что общий баланс однозначно сдвинут в направлении позитивных рекомендаций, возможно потому, что рекомендатель обычно не совсем уверен в том, что аудитория, которую он создаст для своего соперника, разделит его негодование. Аналогичные результаты были получены наукометристами: несмотря на опасения, что показатели цитирования могут отражать масштаб критики, а не признания, фактически позитивные цитирования, видимо, на порядок перевешивают негативные (Borgmann, Daniel, 2008; Tahamtan, Borgmann, 2018). Преобладание негативных отзывов можно обнаружить разве что в комментариях на YouTube, в которых критики используют шанс испортить впечатление у аудитории, которая уже привлечена популярным каналом.

пределения двух подвидов статуса — контрибутивного и перцептивного, статуса говорящего и статуса слушающего, в котором первый соответствует способности внести свой собственный вклад в дискуссию, а второй — оценить вклад, внесенный другими. Эти статусы можно соотнести с контрибутивной и интерактивной экспертизой Гарри Коллинза (Collins, Evans, 2002) — способностью делать открытия и способностью распознавать открытия, сделанные другими. Предполагаемые обыденным знанием отношения между ними загадочны и изменчивы. В сфере искусства они считаются не имеющими ничего общего, а автор и критик являются разными социальными ролями. Несспособность Толстого понять Шекспира (и практически всю мировую литературу) не умаляет в наших глазах гения самого Толстого. В современной науке традиционно считается, что интерактивная экспертиза доступна только тем, кому доступна контрибутивная, поэтому власть оценивать работы других наиболее легитимна, когда принадлежит авторам открытий (и приводит последних в диссертационные советы и конкурсы по отбору грантовых заявок, часто полностью отнимая у них время, чтобы делать какие-либо новые открытия). Сам Коллинз и его единомышленники из SSK в демократическом порыве стремился доказать, что, хотя контрибутивная экспертиза есть достаточное условие обладания интерактивной, она не является необходимым условием; интерактивная экспертиза может быть шире, и поэтому право судить ученых не должно принадлежать одним ученым²³. Их успехи в этом направлении можно определить в лучшем случае как весьма умеренные. Тем не менее хотя контрибутивная экспертиза является (или, предположительно, должна являться) условием получения права судить других, для того чтобы иметь шанс продемонстрировать ее, индивиду необходимо неоднократно проявить способность судить в соответствии со стандартами своего окружения. Маловероятно, что студент, который на младших курсах будет настаивать на том, что видит в Вебере маловажного автора, получит когда-нибудь шанс защитить революционную диссертацию²⁴. Зато потом тот, в чьей способности внести собственный вклад нет никаких сомнений, может безнаказанно демонстрировать полнейшее невежество в отношении работы других (как Бурдье, когда писал об американской социологии).

Диалектика форм экспертизы проявляется не только в индивидуальной биографии, но и в отношениях между индивидами. Вернемся к нашему рисунку 1: научная коммуникация, как она понимается в этой статье, направляется тем фактом,

23. На данный момент опасения по поводу глобального потепления заставляют некоторых из бывших критиков науки (Бруно Латур) разворачивать свои орудия на 180 градусов и выражать сомнения, что Дональд Трамп и его избиратели на самом деле способны разобраться в проблеме.

24. Вернее, это можно сделать, но лишь при выполнении весьма специфических условий: например, можно отвергать Вебера, но только если демонстрируешь исчерпывающее знание Маркса и иных классиков марксистского канона. Дисциплины различаются по допустимой степени личного вкуса в вынесении суждения о научной важности и, по сравнению с физикой социологии, кажется, придерживаются весьма либеральных стандартов. Вряд ли физик-теоретик может признаться в том, что не счел нужным ознакомиться в деталях с теорией струн в силу эмоционального отторжения, которое она у него вызывает.

что индивид одними и теми же действиями производит свой интерактивный статус и контрибутивный статус других.

В своей переплетенности процессы распределения двух форм статуса предположительно создают систему сдержек и противовесов, ограничивающую возможности злоупотребления способностью конструировать чужой статус. Наше нежелание рекомендовать чью-то работу сдерживается опасением, что она известна собеседнику и собеседник может интерпретировать наше незнакомство с ней как результат несовершенства наших алгоритмов поиска и в этом смысле дискредитирующее нас обстоятельство. С другой стороны, если наше выражение внимания является рекомендацией для кого-то еще, то мы сами потеряем в глазах окружающих как рекомендатели, если рекомендация окажется неудачной, и это теоретически должно удержать нас от привлечения внимания к тому, что не впечатлит аудиторию при близком знакомстве. Эти соображения, видимо, действительно служат некоторым сдерживающим фактором, однако только до определенного момента, после которого они приобретают прямо противоположный эффект. После того, как индивиды выступили рекомендателями кого-то из своих коллег, они превращаются в их заложников; критика, задевающая выбранный ими объект, задевает их самих, и они могут реагировать на нее с неподдельной яростью. Символический капитал, как в кабильских работах Пьера Бурдье (Бурдье, 2001 [1980]: 238–267), создает группы вооруженных бедуинов, готовых вскочить на коня и скакать защищать честь своего шейха. В этих условиях обычно сдерживающие агрессивное поведение факторы превращались в способствующие эскалации, создавая важнейшее — с точки зрения данной модели — измерение существования академических сетей и групп.

Академические сцены, или Неожиданные достоинства коллективного невежества

Выше говорилось, что индивиды чувствуют себя в безопасности, лишь когда имеют дело с теми, чьи пространства внимания не выходят за пределы их собственных, или выходят, но только там, где их невежество имеет под собой совершенно легитимные основания — например, различия в областях специализации. Поскольку множество А может включать множество В, которое включает его само, лишь если оба множества тождественны, существует гравитация, которая притягивает друг к другу людей, разделяющих общие пространства внимания. Этую форму социальной организации можно назвать *публикой*²⁵. Публику составляют люди, пользующиеся одними и теми же алгоритмами поиска, в поле зрения ко-

25. Понятые таким образом сцены сходны со «специальностями» (specialty), как те описывались в классической социологии науки (Breiger, 1976; Crane, 1969). Вводя новый термин, мы, во-первых, указываем, что они не обязательно отличаются от внешнего мира предметом, и, во-вторых, подчеркиваем, что центральным в их организации может быть стремление отгородиться от внешнего мира, а не концентрация внимания на общем объекте, заключенном внутри.

торых находятся одни и те же фигуры. Публику, в поле зрения членов которой находятся сами эти члены, я назову *сценой*. Как мы увидим дальше, большинство академических публик являются таковыми, хотя и существуют интересные исключения. В той мере, в какой все связанное выше верно, любая академическая публика систематически применяет санкции за незнание того, что известно другим ее членам.

Однако — можем сказать мы — по уже упоминавшейся слабости человеческой природы публике свойственно эволюционировать в направлении молчаливого согласия не принуждать своих членов к изучению чего-то, лежащего за пределами уже сложившегося общего пространства внимания и не произведенного самими членами этой публики. Сцена стремится к состоянию, которое можно представить себе как круг людей, повернутых лицом друг к другу и спиной к внешнему миру. То, что происходит внутри, легко становится общим знанием («все знают, что все знают, что все знают» — Chwe, 1998), но в отношении внешнего мира никто не уверен, что кто-то осведомлен о чем-то из происходящего в нем, при этом стоящие в круге могут поддерживать друг в друге иллюзию, что степень этой осведомленности даже меньше, чем она есть в действительности. С точки зрения отстаиваемого в этой статье тезиса подобный круг является первичной формой организации академического мира — или, во всяком случае, мира современных социальных наук.

Что определяет конфигурацию сцен? Мы можем разделить значимые здесь факторы на: 1) *культурные*, определяющие, что подпадает под категорию «релевантного»; 2) *инфраструктурные*; 3) *структурные*, определяющие, кто фактически следит за тем, чтобы релевантным фактам былоделено должное внимание; и 4) *исторические*. Можно отметить, что первые два из них соответствуют поиску по ключевым словам и фокальным точкам, описанным выше, а третий и четвертый — персональным рекомендациям. Культурные факторы проявляют себя прежде всего во множестве классификаций и терминов, которые описывают границы предметов исследования и, таким образом, определяют, что попадает в пределы «своей области» для каждого ученого. Степень совпадения с этими классификациями определяет уровень легитимности данной сцены. Границы легитимной сцены совпадают с границами одной из ячеек общепринятой классификации, объясняющей, почему знания о событиях в других ячейках факультативны для ее членов (как когда социолог семьи ничего не знает о социологии религии, и наоборот). В целом доминирование культурных факторов при определении границ пространства внимания обязательно для того, чтобы сцена была легитимна, но еще недостаточно для этого.

Для того чтобы совпадение пространства внимания с границами классификации гарантировало легитимность, необходимо, чтобы по поводу самих этих классификаций существовал консенсус. Классификации социальных наук, и особенно социологии, известны своей спорностью. Области исследования в ней подразделяются по классам институтов (экономическая социология), типам про-

блем (преступность), методологической ориентации (качественная социология) или в соответствии с делениями какой-то глобальной теоретической схемы (социология конфликта vs социология консенсуса). Некоторые из них выделяются по предмету, на основании слов обыденного языка (социология семьи), другие — по теоретическому подходу (этноМетодология), третьи — политической программы (гендерные исследования), четвертые — географии (исследования «Глобального Юга»), наконец, пятые — какой-то смеси всего этого (мир-системный анализ). Какие из этих логических оснований могут и должны также стать основанием для принудительного внимания или легитимного невнимания — не является сегодня предметом широкого консенсуса. Выбор одной из позиций по этому поводу, по идеи, зависит от принимаемых наблюдателем предпосылок об устройстве познания и общества. Так, представление о том, что оно всегда происходит в рамках одной из дискретных парадигм, делает теоретическую принадлежность наиболее легитимным основанием для образования публики (и допускает ситуацию, когда качественный исследователь права отказывается знать что-либо о работе использующих статистику коллег). Аналогично представление о том, что территориально-политические образования являются в некотором смысле уникальными «обществами», эволюционирующими независимо друг от друга, легитимирует специализацию на социальных проблемах Люксембурга²⁶. Отсутствие консенсуса по всем этим поводам ведет к тому, что границы большинства публик в социологии могут быть оспорены.

Инфраструктурные факторы возвращают нас к фокальным точкам. Любой алгоритм поиска опирается на некоторую инфраструктуру — достаточно подумать о библиотечном каталоге или «Гугле» — и знание, что все обращаются к нему, принуждает индивида пользоваться им также, но одновременно избавляет от необходимости заглядывать в зоны, невидимые сквозь смотровые щели этого алгоритма. Если наши рассуждения верны, изменение технической инфраструктуры или практик пользования ею неизбежно влечет за собой и сдвиги в организации пространств внимания. По всей видимости, в эту же группу придется зачислить знание языков, воспользовавшись возможностью записать лингвистические компетенции в «когнитивные инфраструктуры».

Третий фактор, определяющий конфигурации сцен, — *структуры контроля*. Если основное предположение этой статьи верно, и то, что индивиды видят, в значительной мере определяется тем, что, как они думают, видят те, кто может привлечь их к ответу за пренебрежение релевантными источниками информации, вопрос о формировании пространств внимания во многом превращается в вопрос о том, кто и кого может наказать. Если индивидам свойственно pragmatically принимать критерии своей непосредственной аудитории, то основным факто-

²⁶ Эти предпосылки сказываются также на представлениях о том, к каким кругам можно, а к каким нельзя принадлежать одновременно. Специализация на нескольких предметных областях (например, образовании и семье) повсеместно считается допустимой и даже желательной, но вот специализация одновременно на национальном выборе и этноМетодологии может уже вызвать вопросы.

ром, определяющим их кругозор, будет состав этой непосредственной аудитории, и особенно кругозор тех ее членов, которые наделены властью карать. Структура сцен, таким образом, производна от структур контроля — и в смысле определения того, где пролегают границы пространств внимания, и в смысле их общей морфологии.

Это предположение очерчивает обширное пространство для сравнительных исследований, поскольку, если оно верно, мы найдем значительные различия в том, как будет распределено внимание, скажем, в академических бюрократиях советского типа и журнальных анархиях современного западного. В советский период единство пространства социологической коммуникации обеспечивалось административными средствами. Существовал единственный дисциплинарный журнал «Социологические исследования», редакция которого была локализована в головном институте АН; издательство «Наука» также было локализовано в Академии. Конференциями, коллективными выездами на мировые социологические конгрессы и иными формами периодики ведала Советская социологическая ассоциация, которая также возглавлялась кем-то из московских ученых. Принадлежность к ССА была основным маркером профессиональной идентификации для сотрудников лабораторий научной организации труда и множества других социологических подразделений при предприятиях, на которых тогда было занято большинство советских социологов (Соколов, 2011). Секции ССА, как правило, возглавляли заведующие секторами институтов Академии (ротация не была предусмотрена), которые отвечали также за публикацию теоретических и обзорных статей по своим направлениям в «Социологических исследованиях». Созданная во многом в целях обеспечения идеологического контроля, эта структура вместе с тем создавала значительное единство пространства внимания. Перспективным кажется сравнить эту конструкцию, централизованную и управляемую административными рычагами, в которой по большинству вопросов есть финальная инстанция, обладающая монополией на истину, с гораздо более анархической и децентрализованной, где основной инстанцией, осуществляющей enforcement, являются редакции журналов с их анонимными рецензентами, а карьера индивидов зависит от того, удастся ли им найти хотя бы один журнал с аудиторией достаточного размера, который согласен печатать то, что они пишут²⁷.

27. Работы о символическом насилии и полях символического производства Бурдье (Bourdieu, 1983) опираются на представление о существовании институтов принуждения, обладающих финальной властью легитимной номинации и способных изгнать кого-то за пределы поля, полностью обесценив их предложение символической продукции. Советская наука замечательно укладывается в эти рамки, однако, как замечал, в частности, Говард Беккер (Becker, 1982) по поводу культурного производства, вряд ли подходит как модель для значительно более анархических art worlds, существующих в США. Она, в общем, не подходит и для современных социальных наук, в которых просто нет единой инстанции, обладающей финальной властью легитимной номинации (максимум мы можем говорить об олигополии двух десятков ведущих департаментов и журналов, которые открывают или закрывают выход на рынок труда). Заметим, что для стран академической периферии любая система локальных институтов признания всегда будет беззащитна перед признанием, исходящим из глобальных центров.

Последняя, четвертая группа факторов — *исторические*. Рождение кругов, по всей видимости, представляет собой path-dependent процесс. Обоюдная изоляция аудиторий на протяжении некоторого времени — в силу каких обстоятельств она бы ни произошла — предрасполагает на следующем этапе формирование защитной реакции, рационализирующей невежество. Эти защитные реакции могут выражаться, в частности, в готовности, с которой принимаются классификации и теории знания, подчеркивающие легитимность уже возникшего по факту водораздела.

Выражением этого в России, как и во многих странах на периферии и в еще большей степени на полупериферии академической мир-системы, является специфическая форма публик, выстроенных вокруг идентификации с локальной или с глобальной аудиторией. В другой публикации эти круги были названы «провинциальной» и «туземной» наукой (Соколов, Титаев, 2013). Первая из них делает выбор в пользу «большого мира», следит за происходящим в глобальных центрах, пытается соответствовать международным стандартам, декларирует намерение полностью отказаться от использования национального языка и презирает вторую как непоправимо местечковую. Вторая апеллирует к уникальности национального случая и специфики локальных проблем, обращается к домашней аудитории на ее языке, хранит (или изобретает) национальные научные традиции и подозрительно относится к первой как оторванной от корней и, возможно, служащей политическим агентом глобализма. Самое важное, однако, состоит в том, что каждая из них считает себя вправе игнорировать другую как источник новостей — или в силу предполагаемой отсталости, или в силу оторванности от корней и сомнительной релевантности. Нечистая интеллектуальная совесть, которая неизбежно сопровождает появление нелегитимной сцены, стимулирует создание более широкой идеологии, которая, в свою очередь, способствует тому, что все стороны продолжают игнорировать работы друг друга²⁸.

Заметим, что если преобладание культурных факторов не гарантирует появления легитимных сцен, то вмешательство всех остальных факторов неизбежно ведет к появлению сцен нелегитимных. Практически большинство сцен возникают вследствие сочетания всех этих обстоятельств — разных форм классификаций, языковых границ, предпочтений в отношении медиакоммуникации, структурных особенностей и исторических условностей. Это можно проиллюстрировать на примере возникновения туземной науки в российском случае. Советский административный монолит, обеспечивавший общность пространства внимания внутри страны, в общем случае никак не поощрял или даже наказывал за излишнее внимание к тому, что происходило за ее пределами. После того, как рухнул железный занавес, советским социологам приходилось выживать в трудные годы, делая мас-

28. В целом, судя не только по российскому опыту, кажется, что глобалистская позиция, ощущающая за собой авторитет мировой науки, легче доходит до эксцессов в полном пренебрежении работой противоположной стороны (выражающейся, например, в гордости за написанные на русском статьи, в которых нет ни одной ссылки на русскоязычные источники), нежели та ее.

су самой разной работы, и времени на освоение массивов литературы по специальности не было (как для многих и доступа к ней), а языковые навыки большинства в любом случае были недостаточны для свободного слежения за литературой на английском. Кроме того, значительная часть из них определяла свою дисциплину — не вполне эксплицитно — как практико-ориентированную и направленную на бюрократический консалтинг, что способствовало некоторому отчуждению от ориентированной на академическую аудиторию западной социологии. Наконец, многие из них были в целом подозрительны по отношению к любым привнесенным с Запада новшествам — научный изоляционизм в их случае был продолжением политического национализма (Sokolov, 2019).

История развития кругов в западной социологии представляет нам столь же очевидные примеры мультикаузальности. В результате сцены могут принимать самые причудливые очертания, и новичок повсеместно обречен ощущать себя как на минном поле, опасаясь сделать неверный шаг, выдающий, что он не улавливает тонких различий между *cultural sociology*, *sociology of culture* и *cultural studies*, и не знает того, что обязательно следовало бы, — или знает что-то, чего знать не стоит. Для сохранения своего гражданства на нечетко определенной сцене индивид должен постоянно синхронизировать свой внутренний гироскоп с гироскопами окружающих, научившись настраивать алгоритмы поиска по их стандартам, так же как они учатся настраивать свои гироскопы по его. При этом чем менее легитимной является данная сцена, тем более отчетливо она склонна к коллективной самозащите своих членов против экзистенциальной угрозы обнаружить, что их академическая жизнь была прожита зря, — и еще более отчетливо угрозы быть обвиненным другими в том, что они изобрели велосипед.

Нелегитимные сцены, однако, имеют не только темные стороны для тех, кто принадлежит к ним. Их светлой стороной является способность сокращать издержки на производство локальных новостей, которые к тому же воспринимаются внутри как глобальные. Действительно, статус информации как «новости» произведен от осведомленности аудитории о ней; готовая к сотрудничеству сцена может добровольно культивировать в себе невежество, позволяющее ей быть ошеломленной, когда кто-то внутри озвучит эту новость впервые. Игнорируя информацию о том, что какие-то открытия уже сделаны снаружи, представители сцены могут позволить своим членам или еще раз пройти тот же путь самостоятельно, или, в самом неприглядном сценарии, контрабандой провезти чужие идеи, выдав их за свои. И даже если мы не берем крайние случаи²⁹, сообщение, не составляющее глобальной новости, все же может быть важной локальной новостью. Возможности для такой работы многократно расширяются, если границы между сценами

29. Практика контрабандного ввоза не обязательно является однозначно социально неодобряемой. В СССР, в который проникновение буржуазных учений было затруднено, выдать идеи Блумера за свои могло быть единственным способом ознакомить с ними аудиторию. Аналогично, существуют жанры, в которых практики признания вклада других менее формализованы, чем в науке — например, ее популяризация.

определяются не каким-то легитимным различием в предмете, и практически та же идея или процедура может быть импортирована и послужить локальной новостью. Так, существование сцены русскоязычных социологов, не читающих на английском, означает, что сообщение, произнесенное на русском (например, призыв к использованию больших данных в социологии), будет многое услышан на русском впервые, пусть даже он уже и звучал на английском.

Эта возможность не дается бесплатно. Внешний мир является для обитателей не вполне легитимной сцены источником постоянной угрозы. Из него всегда могут поступить сведения о том, что все, что внутри воспринималось до того как глобальная новость, в действительности таковой не является, поскольку уже было кем-то сказано. Дешево достающийся статус, получаемый при конвертации глобальных новостей в локальные, чреват упреками во вторичности и создает поэтому постоянное ощущение незащищенности. Это приводит — можем предположить мы, к дальнейшей предрасположенности к самоизоляции и выработке защитной идеологии. Кроме того, решимость игнорировать окружающий мир делает сцену потенциальной угрозой для других сцен, которые занимают примерно ту же культурную территорию. Именно такие конкурирующие сцены тяготеют к развитию отношений непримиримого антагонизма, в которых — как в Кабилии — ведомые склонны защищать своих вождей, а те — сторонников, до последнего патрона.

Социально-научные дисциплины являются примерами подобных кругов *par excellance* (Zerubavel, 2006). Как показали бесчисленные неудачные попытки разграничить их территории, невозможно, видимо, найти какие-то легитимные причины, почему границы между социологией, социальной психологией, политической наукой и иными специализациями проходят там, где они проходят. Несмотря на это, они в основном продолжают беспрепятственно игнорировать друг друга. Возвращаясь к тому, о чем говорилось в конце предыдущего параграфа, самозащищенные сцены — это пример случая, в котором ограничивающие отдельного индивида механизмы превращаются в средство, провоцирующее групповой произвол. Групповой контроль способен удержать отдельно взятого социолога от заблуждения, что автором концепции протестантской этики был его научный руководитель, но социология в целом, кажется, способна бесконечно коллективно забывать, что определение государства как монополии легитимного насилия принадлежит не Веберу, а Иерингу³⁰.

Парадоксальная особенность сцен состоит в том, что, поскольку смысл их существования в некотором роде состоит в их способности игнорировать друг друга, им не свойственно искать открытого столкновения. Скорее, символическая

³⁰. Еще более ярким примером будет способность социологии отрицать, что она чем-то обязана художественной литературе или журналистике, и готовность превозносить как теоретическое открытие антропоморфные персонификации, приписывающие вещам агентность или сходство между государствами и ракетирами, вымогающими у своих жертв деньги за защиту от других таких же ракетиров.

борьба между ними принимает форму конкуренции за патронирующие аудитории — спонсоров, ведомства, раздающие гранты, благосклонность массового читателя, внимание студентов и аспирантов — при которой проигравшая сторона приходит в постепенный упадок. Они практикуют удушение, а не сокрушение соперников. Видимая ненасильственность этой блокады дает сбои только в моменты, когда кто-то из посторонних по отношению к враждующим кругам — скажем, непосвященные студенты или журналисты — направляют интересы их отношением друг к другу, вызывая хотя бы частичную артикуляцию оппозиционных идеологий и выражения неприязни.

Надо добавить, что при своей неизбежной враждебности конкурирующие сцены могут существовать в симбиозе. Внимание провинциальной науки в том виде, в каком она существовала до примерно середины 2010-х, к происходящему в глобальных центрах в значительной мере является односторонним; хотя она декларировала намерение влиться в мировую науку, но говорила на своем языке, хотя и читала на английском, немецком и французском. Ее оправданием своего странного статуса была необходимость привнесения лучших мировых практик в требующую просвещения страну; существование туземной науки служило наглядной демонстрацией необходимости подобного просвещения. Пока западные фонды были готовы финансировать осуществление этой просветительской миссии, провинциальная наука процветала, хотя сами ее представители часто ни на шаг не продвигались к тому, чтобы сделать международную карьеру. Более широко: и та и другая разными способами находили возможность оправдать то, что их послания являются новыми только для локальной аудитории, читающей на русском. Одна ссылалась при этом на ценность ретрансляции в реконструктивный период, вторая — на уникальность российского общества, которая делала импортированную социологию неприменимой к нему.

Отметим в заключение, что те же паттерны символической борьбы, которые мы наблюдаем в столкновении между сценами, могут быть воспроизведены и внутри отдельной сцены, особенно если многие ее представители разделяют идеологию, оправдывающую преимущественную направленность внимания вовне. Несмотря на меньший размер и значительно большие возможности для коммуникации, провинциальная наука не была внутренне менее фрагментирована. Идеология, позволявшая дисквалифицировать все локальное как непоправимо вторичное, позволяла конкурентам внутри нее самой смело игнорировать друг друга, предоставив в качестве объяснения что-то вроде «я не особенно читаю по-русски»³¹. Она была,

31. В других случаях, впрочем, соперничество может быть механизмом, побуждающим индивидов обращать взор за пределы своего информационного пузыря. Успешная контрабанда чужой идеи способна поднять относительный статус индивида внутри; соответственно, те, чей относительный статус в результате понизился, могут взять на себя проведение расследования. И наоборот, стремление найти за пределами кокона нечто, что следовало бы знать сопернику внутри кокона, может быть одним из факторов, побуждающих индивидов выглядывать наружу. И то, и другое регулярно встречалось в провинциальной науке, в которой индивиды часто предпринимали вылазки, чтобы найти дискре-

таким образом, публикой, опирающейся на общие алгоритмы поиска, но не в полной мере сценой.

Заключение

В этой статье была предложена модель научной коммуникации, пространств внимания и статуса, вдохновением для которой служила параллель между научным и светским признанием. Основное отличие от рыночной, доминирующей в соответствующей литературе, вытекало из допущения, что поиск информации и последующая констатация ее получения скорее обусловлены необходимостью обезопасить себя от обвинений в неоригинальности, чем в желании получить в распоряжение факты, нужные, чтобы произвести новые факты. Этот ход позволяет решить некоторые концептуальные затруднения (как быть с науками, где «фактов» не существует? Если информация приобретается в момент, когда индивиды читают, то что заставляет их платить по счетам — а других проследить, чтобы они заплатили?), хотя и создает весьма непривлекательный образ дисциплин и прочих естественных форм организации академического мира как кругов людей, боящихся повернуться спиной друг к другу и лицом к внешнему миру.

Можно ли вывести из этих моделей конкурирующие ожидания, которые позволили бы сравнить, какая из них лучше соответствует действительности? Это представляет собой известную сложность, поскольку многие эмпирические наблюдения согласуются с обеими, и уж совсем сложно обнаружить некое подобие кризисного эксперимента, который противопоставил бы их друг другу. Можно указать лишь на случаи, когда одна из них объясняет больше, чем другая. Так, наша этикетная модель предлагает объяснения для явлений наподобие информационных пузырей, по поводу которых рыночная мало что может сказать. Она также дает предсказания, например, о связи между конфигурацией институтов, осуществляющих enforcement, и конфигурацией пространств внимания. Центральное предсказание, следующее из этикетной модели, состоит в том, что реконфигурация институтов, ставящая индивидов под контроль тех, кто не контролировал их раньше, должна привести к трансформации их пространств внимания. Эти трансформации должны приводить к изменениям, которые не следуют из других теоретических моделей.

Примерами подобных изменений будет трансформация системы присуждения степеней (как если место ВАКа займет присуждение отдельными институциями), или, например, обязательство публиковаться в иноязычных журналах. В попытке увеличить глобальную видимость постсоветских социальных наук и повысить качество исследований в них, министерство попробовало отдать экспертизу на аутсорсинг рецензентам в иностранных журналах. Результатом, который мы можем ожидать здесь, должно быть существенное изменение в конфигурациях цитирова-

дитирующую соперника информацию и снисходительно охарактеризовать друг друга как «популяризатора идей [великого ученого] в России».

ний, связанное с процессом присоединения к новой сцене, и, надо думать, трансляция новых паттернов в русскоязычное пространство³².

Далее, наша модель предсказывает некоторые типичные секвенции, как когда за экономическим спадом произойдет сжатие пространств внимания к требующим наименьших затрат его разновидностям — как, например, построенным на личных контактах на рабочем месте — и соответствующая его регионализация (что произошло с российской социологией в 1990-х; см.: Губа, 2011). Следующей фазой в этом развитии будут возникновения реактивных идеологий, оправдывающих существование соответствующих информационных пузырей.

В некоторых случаях можно сказать, что представленная здесь модель предлагает интерпретацию для хорошо известных наблюдений, для которых более традиционная квазирыночная ничего нам не дает. Одним из них является лежащее в основе «науки о науке» распределение цитирований, следующее модели preferential attachment. Часто цитируемое в литературе по экономике внимания (Stephan, 1996; Klamer, van Dahlen, 2002), оно не получает обычно достаточного теоретического объяснения — почему, собственно, то, что кто-то процитировал данное произведение, побуждает следующих индивидов цитировать его же? Их этого затруднения можно выйти, если принять вспомогательное допущение, что индивиды рассматривают цитирование как сигнал качества и спешат ознакомиться с часто цитируемыми работами. Однако если мы согласимся что цитирование выступает защитной реакций на свидетельство того, что кто-то читал определенный текст и считает его релевантным, правило «цитируй то, что цитируют другие» превращается в объяснимое и без дополнительных допущений³³.

Заметим в заключение, что обе модели, разумеется, не являются эмпирически взаимоисключающими. Мы можем предполагать, что оба процесса действуют параллельно, когда сильнее, когда слабее, и даже в таком запущенном случае, как со-

32. Такие изменения будут неизбежно сопутствовать изменениям экономической базы академического мира. Институты контроля, о которых мы говорим здесь, встречаются в нашей истории, поскольку ставят печать одобрения на кандидате. Так, например, докторский комитет совместно с ВАК рекомендует индивида как подходящего на должность доцента или профессора, или редакторы международного журнала, сами, возможно, не слишком отчетливо представляя себе последствия своих решений, рекомендуют кого-то для прохождения по конкурсу или получения надбавок. Их роль в академическом мире повышается или понижается вместе с аудиториями, от которых этот мир в той или иной форме зависит — прежде всего экономически — и которые могут требовать представления разных печатей — так, в России степени сотрудников позволяют университету пройти аккредитацию, а в США степени преподавателей из престижных университетов помогают привлекать абитуриентов.

33. Интересным образом это как будто опровергает в других отношениях совершенно правдоподобное предположение, что поведение ученых в науках о природе и о духе будет подчинено разной логике — одни будут избегать изобличения во вторичности, вторые — искать факты, которые позволили бы им продвинуть собственный аргумент, избегая, таким образом, церемониализации. Однако практические соображения, которыми руководствуются физики при поиске литературы, не всегда оказываются такими уж отличными от соображений социологов. В разговоре с автором крупный администратор-физик, оправдывая введение политики премирования за публикации в ведущих международных журналах в своем институте, сказал о своих сотрудниках: «Надо следить за литературой в главных журналах. А единственный способ заставить читать — заставить посыпать статьи в эти журналы».

циология, процесс поиска информации, инструментальной для производства новых фактов, все же иногда имеет место. Эмпирическая задача должна определить, когда какой из них оказывается более выраженным. Нужны самостоятельные исследования, чтобы сравнить степени церемониализации в разных группах ученых. Предлагаемый выше признак — готовность долгое время поддерживать неосвещенность, не имеющую никаких легитимных оснований — ни в коем случае не является единственным или даже полностью удовлетворительным.

В завершение надо сказать, что роль этикета как метафоры для академической жизни не ограничивается представленным здесь подходом к объяснению природы пространств внимания и статуса. Как и рынок, этикет представляет обширный, хотя и не всегда согласованный внутренне словарь аналогий; применительно к академической коммуникации, мы можем исследовать, например, нормы, регулирующие работы по продвижению себя, или анализировать научную методологию как проявление тактичности, избавляющей собеседника от необходимости принимать многое на веру. Она может найти применение и за пределами академической жизни, скажем, в исследовании *cancel cultures*³⁴ и информационных пузырей, в которые мы добровольно заключаем себя в публичной жизни.

Литература

- Бурдье П. (2001 [1980]). Практический смысл / Пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко под ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя.
- Вахштайн В. С., Константиновский Д. Л., Куракин Д. Ю. (2012). К анализу дотеоретических оснований социологии образования: экспликация базовых метафор // Вопросы образования. № 4. С. 22–39.
- Губа К. С. (2011). Академические журналы: воспроизведение локальных reputаций. Вестник Томского государственного университета // Философия. Социология. Политология. Т. 13. № 1. С. 152–164.
- Губа К. (2018). Ресурсная зависимость научных журналов: авторские vs читательские журналы // Экономическая социология. Т. 19. № 4. С. 73–100.
- Соколов М. М. (2011). Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии // Экономическая социология. Т. 12. № 4. С. 37–72.
- Соколов М. М. (2015). Социология как чудо: процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. Т. 27. № 3. С. 13–57.
- Соколов М. М. (2019). Элементы социологии досады и сожаления // Социологическое обозрение. Т. 18. № 4. С. 9–46.
- Соколов М. М., Титаев К. Д. (2013). Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. Т. 19. С. 239–275.

34. Должен признаться, что долго боролся с искушением озаглавить текст «Science as Cancel Culture».

- Элиас Н. (2002 [1969]). Придворное общество: исследование по социологии короля и придворной аристократии / Пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова. М.: Языки славянской культуры.
- Abbot A. (2001). *The Chaos of Disciplines*. Chicago: Chicago University Press.
- Axelrod R. (1986). An Evolutionary Approach to Norms // *American Political Science Review*. Vol. 80. № 4. P. 1095–1111.
- Becker H. (1982) *Art Worlds*. Berkeley: University of California Press
- Biagioli M., Galison P. (eds.). (2014). *Scientific Authorship: Credit and Intellectual Property in Science*. L.: Routledge.
- Bornmann L., Daniel H.-D. (2008). What Do Citation Counts Measure: A Review of Studies on Citing Behavior // *Journal of Documentation*. Vol. 64. № 1. P. 45–80.
- Bourdieu P. (1975). The Specificity of the Scientific Field and the Social Conditions of the Progress of Reason // *Information* (International Social Science Council). Vol. 14. № 6. P. 19–47.
- Bourdieu P. (1983). The Field of Cultural Production; or, The Economic World Reversed // *Poetics*. Vol. 12. № 4–5. P. 311–356.
- Bourdieu P. (1988). *Homo Academicus*. Cambridge: Polity Press.
- Brieger R. L. (1976). Career Attributes and Network Structure: A Blockmodel Study of a Biomedical Research Specialty // *American Sociological Review*. Vol. 41. № 1. P. 117–135.
- Brown R. (1977). *A Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Burke K. (1984 [1935]). *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose*. Berkeley: University of California Press.
- Chwe M. S. Y. (1998). Culture, Circles, and Commercials: Publicity, Common Knowledge, and Social Coordination // *Rationality and Society*. Vol. 10. № 1. P. 47–75.
- Coase R. H. (1974). The Market for Goods and the Market for Ideas // *American Economic Review*. Vol. 64. № 2. P. 384–391.
- Collins H. M., Evans R. (2002). The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // *Social Studies of Science*. Vol. 32. № 2. P. 235–296.
- Collins R. (1998). *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge: Harvard University Press.
- Cozzens S. (1989). What do Citations Count? The Rhetoric-First Model // *Scientometrics*. Vol. 15. № 5–6. P. 437–447.
- Crane D. (1969). Social Structure of a Group of Scientists: An Invisible College Hypothesis // *American Sociological Review*. Vol. 34. № 3. P. 335–352.
- Franck G. (2002). The Scientific Economy of Attention: A Novel Approach to the Collective Rationality of Science // *Scientometrics*. Vol. 55. № 1. P. 3–26.
- Gans H. (1992). Sociological Amnesia: The Noncumulation of Normal Social Science // *Sociological Forum*. Vol. 75. № 4. P. 701–710.
- Gilbert N. G. (1977). Referencing as Persuasion // *Social Studies of Science*, Vol. 7. № 1. P. 113–122.

- Goffman E. (1955). On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // *Psychiatry*. Vol. 18. № 3. P. 213–231.
- Goffman E. (1956). The Nature of Deference and Demeanor // *American Anthropologist*. Vol. 58. № 3. P. 473–502.
- Goffman E. (1981). *Forms of Talk*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Greif A., Laitin D. D. (2004). A Theory of Endogenous Institutional Change // *American Political Science Review*. Vol. 98. № 3. P. 633–652.
- Gross A. (2000). *The Rhetoric of Science*. Cambridge: Harvard University Press.
- Habermas J. (1984). *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1. Boston: Beacon press.
- Hagstrom W. (1965). *The Scientific Community*. N.Y.: Basic Books.
- Kaplan N. (1965). The Norms of Citation Behavior: Prolegomena to the Footnote // *American Documentation*. Vol. 16. № 3. P. 179–184.
- Klamer A., van Dalen H. (2002). Attention and the Art of Scientific Publishing // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 9. № 3. P. 285–315.
- Klamer A. (2007). *Speaking of Economics: How to Get in the Conversation*. L.: Routledge.
- Lamont M. (1987). How to Become a Dominant French Philosopher: The Case of Jacques Derrida // *American Journal of Sociology*. Vol. 93. № 3. P. 584–622.
- Latour B., Woolgar S. (1979). *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. L.: Sage.
- Lewis D. (2008). *Convention: A Philosophical Study*. N.Y.: John Wiley & Sons.
- Luukkonen T. (1997). Why has Latour's Theory of Citations been Ignored by the Bibliometric Community? Discussion of Sociological Interpretations of Citation Analysis // *Scientometrics*. Vol. 38. № 1. P. 27–37.
- Merton R. K. (1942). A Note on Science and Democracy // *Journal of Legal and Political Sociology*. Vol. 1. № 1. P. 115.
- Merton R. K. (1957). Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science // *American Sociological Review*. Vol. 22. № 6. P. 635–659.
- Merton R. K. (1968). The Matthew Effect in Science // *Science*. № 159. P. 56–63.
- Merton R. K. (1988). The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property // *ISIS*. Vol. 79. № 4. P. 606–623.
- Nicolaisen J. (2004). Social Behavior and Scientific Practice: Missing Pieces of the Citation Puzzle. PhD Thesis. Royal School of Library and Information Science.
- Parsons T. (1963). On the Concept of Influence // *Public Opinion Quarterly*. Vol. 27. № 1. P. 37–62.
- Scheff T. J. (1995). Academic Gangs // *Crime, Law and Social Change*. Vol. 23. № 2. P. 157–162.
- Schelling T. C. (1960). *The Strategy of Conflict*. Cambridge: Harvard University Press.
- Shapin S. (1995) *A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England*. Chicago: University of Chicago Press.

- Sokolov M.* (2019). The Sources of Academic Localism and Globalism in Russian Sociology: The Choice of Professional Ideologies and Occupational Niches among Social Scientists // *Current Sociology*. Vol. 67. № 6. P. 818–837.
- Sorokin P. A.* (1956). *Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences*. Chicago: Henry Regnery Company.
- Stephan P.* (1996). The Economics of Science // *Journal of Economic Literature*. Vol. 34. № 3. P. 1199–1235.
- Strathern A., Stewart P. J.* (2005). Ceremonial Exchange // *Carrier J. G.* (ed.). *A Handbook of Economic Anthropology*. L.: Edward Elgar. P. 240–255.
- Sugden R.* (1995). A Theory of Focal Points // *The Economic Journal*. Vol. 105. № 3. P. 533–550.
- Tahamtan I., Bornmann L.* (2019). What do Citation Counts Measure? An Updated Review of Studies on Citations in Scientific Documents Published between 2006 and 2018 // *Scientometrics*. Vol. 121. № 3. P. 1635–1684.
- Vinkler P.* (1998). Comparative Investigation of Frequency and Strength of Motives toward Referencing: The Reference Threshold Model // *Scientometrics*. Vol. 43. № 1. P. 107–127.
- Wang P., Soergel D.* (1998). A Cognitive Model of Document Use during a Research Project, Study I: Document Selection // *Journal of the American Society for Information Science*. Vol. 49. № 2. P. 115–133.
- Wang P., White M. D.* (1999). A Cognitive Model of Document Use during a Research Project, Study II: Decisions at the Reading and Citing Stages // *Journal of the American Society for Information Science*. Vol. 50. № 2. P. 98–114.
- Zerubavel E.* (2006). *The Elephant in the Room: Silence and Denial in Everyday Life*. N.Y.: Oxford University Press.
- Zorbaugh H.* (1929). *The Gold Coast and the Slum: A Sociological Study of Chicago's Near North Side*. Chicago: University of Chicago Press.

Science as a Ceremonial Exchange: A Theory of Attention Spaces, Academic Status, and Symbolic Struggle

Mikhail Sokolov

Professor, European University at Saint Petersburg

Address: Gagarinskaya str., 6/1a, Saint Petersburg, Russian Federation 191187

E-mail: msokolov@eu.spb.ru

The article develops a middle-range theory offering a novel perspective of the logic of the distribution of attention, allocation of status, and competition in academia. Since Merton, the relations between these processes were usually cast in quasi-market terms in which individuals exchanged novel information for attention and recognition; investing the latter into the

production of further information, the symbolic struggle takes the form of a market competition. As an alternative, I suggest a theoretical vocabulary comparing the academic world to an aristocratic society in which the status of each agent is estimated on the basis of visits they pay and is being paid. The major form of the symbolic struggle is conspicuously ignoring each other. Visits in this model stand for a distribution of publicly recognized attention to the work of one's colleagues. Academics tend to create circles or scenes requiring mutual recognition on the part of their members, and suppressing recognized awareness of intellectual developments in the outside world. Scenes could be more or less legitimate depending on if their borders coincide with the divisions of classifications of areas and/or subjects, with established disciplines being prototypically-legitimate scenes. I discuss the conditions of the emergence of less-legitimate scenes typical for the periphery of the academic world system.

Keywords: sociology of science, etiquette, attention spaces, recognition, symbolic struggle, academic communication, Robert Merton

References

- Abbot A. (2001) *The Chaos of Disciplines*, Chicago: Chicago University Press.
- Axelrod R. (1986) An Evolutionary Approach to Norms. *American Political Science Review*, vol. 80, no 4, pp. 1095–1111.
- Becker H. (1982) *Art Worlds*, Berkeley: University of California Press.
- Biagioli M., Galison P. (eds.) (2014) *Scientific Authorship: Credit and Intellectual Property in Science*, London: Routledge.
- Bornmann L., Daniel H.-D. (2008) What Do Citation Counts Measure: A Review of Studies on Citing Behavior. *Journal of Documentation*, vol. 64, no 1, pp. 45–80.
- Bourdieu P. (1975) The Specificity of the Scientific Field and the Social Conditions of the Progress of Reason. *Information (International Social Science Council)*, vol. 14, no 6, pp. 19–47.
- Bourdieu P. (2001) *Prakticheskij smysl* [Practical Sense], Saint Petersburg: Aleteya.
- Bourdieu P. (1983) The Field of Cultural Production; or, The Economic World Reversed. *Poetics*, vol. 12, no 4–5, pp. 311–356.
- Bourdieu P. (1988) *Homo Academicus*, Cambridge: Polity Press.
- Brieger R. L. (1976) Career Attributes and Network Structure: A Blockmodel Study of a Biomedical Research Specialty. *American Sociological Review*, vol. 41, no 1, pp. 117–135.
- Brown R. (1977) *A Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Burke K. (1984 [1935]) *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose*, Berkeley: University of California Press.
- Chwe M. S. Y. (1998) Culture, Circles, and Commercials: Publicity, Common Knowledge, and Social Coordination. *Rationality and Society*, vol. 10, no 1, pp. 47–75.
- Coase R. H. (1974) The Market for Goods and the Market for Ideas. *American Economic Review*, vol. 64, no 2, pp. 384–391.
- Collins H. M., Evans R. (2002) The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience. *Social Studies of Science*, vol. 32, no 2, pp. 235–296.
- Collins R. (1998) *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*, Cambridge: Harvard University Press.
- Cozzens S. (1989) What do Citations Count? The Rhetoric-First Model. *Scientometrics*, vol. 15, no 5–6, pp. 437–447.
- Crane D. (1969) Social Structure of a Group of Scientists: An Invisible College Hypothesis. *American Sociological Review*, vol. 34, no 3, pp. 335–352.
- Elias N. (1969) *Pridvorne obshhestvo: issledovanie po sociologii korolja i pridvornoj aristokratii* [The Court Society], Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Franck G. (2002) The Scientific Economy of Attention: A Novel Approach to the Collective Rationality of Science. *Scientometrics*, vol. 55, no 1, pp. 3–26.
- Gans H. (1992) Sociological Amnesia: The Noncumulation of Normal Social Science. *Sociological Forum*, vol. 75, no 4, pp. 701–710.

- Gilbert N. (1977) Referencing as Persuasion. *Social Studies of Science*, vol. 7, no 1, pp. 113–122.
- Goffman E. (1955) On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. *Psychiatry*, vol. 18, no 3, pp. 213–231.
- Goffman E. (1956) The Nature of Deference and Demeanor. *American Anthropologist*, vol. 58, no 3, pp. 473–502.
- Goffman E. (1981) *Forms of Talk*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Greif A., Laitin D. D. (2004) A Theory of Endogenous Institutional Change. *American Political Science Review*, vol. 98, no 3, pp. 633–652.
- Gross A. (2000) *The Rhetoric of Science*, Cambridge: Harvard University Press.
- Habermas J. (1984) *The Theory of Communicative Action*, Vol. 1, Boston: Beacon Press.
- Guba K. (2011) Akademicheskie zhurnaly: vosproizvodstvo lokal'nyh reputacij [Academic Journals: The Reproduction of Local Reputations]. *Tomsk State University Journal*, vol. 13, no 1, pp. 152–164.
- Guba K. (2018) Resursnaja zavisimost' nauchnyh zhurnalov: avtorskie vs chitatel'skie zhurnaly [Resource Dependency of Academic Journals: Authors' vs. Readers' Journals]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 4, pp. 73–100.
- Hagstrom W. (1965) *The Scientific Community*, New York: Basic Books.
- Kaplan N. (1965) The Norms of Citation Behavior: Prolegomena to the Footnote. *American Documentation*, vol. 16, no 3, pp. 179–184.
- Klamer A., van Dalen H. (2002) Attention and the Art of Scientific Publishing. *Journal of Economic Methodology*, vol. 9, no 3, pp. 285–315.
- Klamer A. (2007) *Speaking of Economics: How to Get in the Conversation*, London: Routledge.
- Lamont M. (1987) How to Become a Dominant French Philosopher: The Case of Jacques Derrida. *American Journal of Sociology*, vol. 93, no 3, pp. 584–622.
- Latour B., Woolgar S. (1979) *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*, London: Sage.
- Lewis D. (2008) *Convention: A Philosophical Study*, New York: John Wiley & Sons.
- Luukkonen T. (1997) Why has Latour's Theory of Citations been Ignored by the Bibliometric Community? Discussion of Sociological Interpretations of Citation Analysis. *Scientometrics*, vol. 38, no 1, pp. 27–37.
- Merton R. K. (1942) A Note on Science and Democracy. *Journal of Legal and Political Sociology*, vol. 1, no 1, pp. 115–125.
- Merton R. K. (1957) Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science. *American Sociological Review*, vol. 22, no 6, pp. 635–659.
- Merton R. K. (1968) The Matthew Effect in Science. *Science*, no 159, pp. 56–63.
- Merton R. K. (1988) The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property. *ISIS*, vol. 79, no 4, pp. 606–623.
- Nicolaisen J. (2004) *Social Behavior and Scientific Practice: Missing Pieces of the Citation Puzzle* (PhD Thesis), Oslo: Royal School of Library and Information Science.
- Parsons T. (1963) On the Concept of Influence. *Public Opinion Quarterly*, vol. 27, no 1, pp. 37–62.
- Scheff T. J. (1995) Academic Gangs. *Crime, Law and Social Change*, vol. 23, no 2, pp. 157–162.
- Schelling T. C. (1960) *The Strategy of Conflict*, Cambridge: Harvard University Press.
- Shapin S. (1995) *A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England*, Chicago: University of Chicago Press.
- Sokolov M. (2011) Rynki truda, stratifikacija i kar'ery v sovetskoy sociologii [Labour Markets, Stratification, and Careers in Soviet Sociology]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 12, no 4, pp. 37–72.
- Sokolov M. (2015) Sociologija kak chudo: process sense-building v odnoj akademicheskoy discipline [Sociology as a Miracle: The Sense-Building Process in an Academic Discipline]. *Sociology of Power*, vol. 27, no 3, pp. 13–57.
- Sokolov M. (2019) Jelementy sociologii dosady i sozhalenija [Elements of Sociology of Regret]. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 4, pp. 9–46.
- Sokolov M., Titaev K. (2013) Provincial'naja i tuzemnaja nauka [The Provincial and the Aboriginal Science]. *Anthropological Forum*, vol. 19, pp. 239–275.

- Sokolov M. (2019) The Sources of Academic Localism and Globalism in Russian Sociology: The Choice of Professional Ideologies and Occupational Niches among Social Scientists. *Current Sociology*, vol. 67, no 6, pp. 818–837.
- Sorokin P. A. (1956) *Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences*, Chicago: Henry Regnery Company.
- Stephan P. (1996) The Economics of Science. *Journal of Economic Literature*, vol. 34, no 3, pp. 1199–1235.
- Strathern A., Stewart P. J. (2005) Ceremonial Exchange. *A Handbook of Economic Anthropology* (ed. J. G. Carrier), London: Edward Elgar, pp. 240–255.
- Sugden R. (1995) A Theory of Focal Points. *Economic Journal*, vol. 105, no 3, pp. 533–550.
- Tahamtan I., Bornmann L. (2019) What do Citation Counts Measure? An Updated Review of Studies on Citations in Scientific Documents Published between 2006 and 2018. *Scientometrics*, vol. 121, no 3, pp. 1635–1684.
- Vakhshain V., Konstantinovsky D., Kurakin D. (2012) K analizu doteoreticheskikh osnovanij sociologii obrazovanija: jeksplikacija bazovyh metafor [Towards the Analysis of Pre-theoretical Foundations of Sociology of Education: Explication of Basic Metaphors]. *Educational Studies*, no 4, pp. 22–39.
- Vinkler P. (1998) Comparative Investigation of Frequency and Strength of Motives toward Referencing: The Reference Threshold Model. *Scientometrics*, vol. 43, no 1, pp. 107–127.
- Wang P., Soergel D. (1998) A Cognitive Model of Document Use during a Research Project, Study I: Document Selection. *Journal of the American Society for Information Science*, vol. 49, no 2, pp. 115–133.
- Wang P., White M. D. (1999) A Cognitive Model of Document Use during a Research Project, Study II: Decisions at the Reading and Citing Stages. *Journal of the American Society for Information Science*, vol. 50, no 2, pp. 98–114.
- Zerubavel E. (2006) *The Elephant in the Room: Silence and Denial in Everyday Life*, New York: Oxford University Press.
- Zorbaugh H. (1929) *The Gold Coast and the Slum: A Sociological Study of Chicago's Near North Side*, Chicago: University of Chicago Press.